

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Газета для тех, кто любит наш край и хочет знать его историю
Приложение к газете «Вперед», №2 (40), февраль 1998 года

КСЕВЕРО-ВОСТОКУ от Сергиева Посада находится село Гагино. Стояли в нем раньше две церкви — Спасская (XVIII в.) и Казанская (середины XIX в.). Сейчас они практически разрушены. А летом 1898 года, почти 100 лет назад, в одной из них венчался Ф. И. Шаляпин. С невестой — Иолой Торнаги — он познакомился во время знаменитой нижегородской выставки-ярмарки 1896 года.

Шаляпин писал: «Среди итальянских балерин была одна, которая страшно нравилась мне. Танцевала она изумительно, лучше всех балерин императорских театров, как мне казалось. Она всегда была грустной. Видимо, ей было не по себе в России. Я понимал эту грусть. Я ведь сам чувствовал себя иностранцем в Баку, Тифлисе, да и в Петербурге. На репетициях я подходил к этой барышне и говорил ей все итальянские слова, известные мне:

— Allegro, andante, religioso, moderato!

Она улыбалась, и снова ее лицо окутывала тень грусти... Вскоре Торнаги, девушка, которая так нравилась мне, заболела. Я начал ухаживать за нею, носил ей куриный бульон, вино и, наконец, угovorил ее переехать в дом, где я квартировал. Это облегчало мне заботы о ней. Она рассказывала мне о своей прекрасной родине, о солнце и цветах. Конечно, я скорее чувствовал смысл ее речей, не понимая языка.

Однажды, кажется, при Мамонтове я сказал, что если бы знал по-итальянски, то женился бы на Торнаги, и вскоре после этого мне стало известно, что Мамонтов оставляет балерину в Москве».

Видимо, с этим и связан был переход Шаляпина из Мариинского императорского театра в Петербурге в Русскую частную оперу Мамонтова в Москве.

В деревне Путятино нашего района в конце XIX века жила певица Русской частной оперы Мамонтова Татьяна Спиридоновна Люботович. В 1898 году у нее гостили несколько друзей С. И. Мамонтова, в том числе Ф. И. Шаляпин. Там и решили обвенчаться Шаляпин и Торнаги. Ближайшая церковь была в Гагино.

По воспоминаниям Константина Коровина, Шаляпина занимал вопрос — в какой одежде венчаться. Он спрашивал: «А как ты думаешь, можно мне в деревне в поддевке венчаться? Я терпеть не могу эти сюртуки, пиджаки разные, потом шляпы. Картуз же умней, лучше. Козырек — он солнце загорживает, и ветром не уносит».

Венчание состоялось 27 июля 1898 года (по старому стилю).

КАК ВЕНЧАЛСЯ

Ф. И. Шаляпин и И. И. Торнаги. 1897 г.

ФЕДОР ШАЛЯПИН

К 125-летию со дня рождения великого певца

Шаляпин был-таки в поддевке и белом картузе. Невеста — в белом платье. К. Коровин вспоминал: «Вдали за лесом послышался удар грома. Быстро набежали тучи, сверкнула молния, и нас окатил проливной дождь. Кое у кого были зонтики, но у нас зонтиков не было, и мы приехали в церковь мокрехоньки... По окончании венчания мы пошли к священнику — на улице все еще лил дождь».

В небольшом сельском домике гости едва поместились. Матушка и дочь священника хлопотали, приготавливая чай... Мы с Шаляпиным пошли на кухню, разделили и положили на печку сушить платье... Чтобы согреться, усердно подливали в чай кагорю.

Когда двинулись обратно, священник наделил нас зонтиками... У Путятино нам загородили дорогу крестьяне, протянув поперек

колеи ленту. Ее держали в руках девушки и пели какую-то песню, слава жениха и невесты... Мужики просили с молодых денег на водку. Я вынул рублевку и дал. Бабы говорили: «Мало! А нам-то на пряники?» Другие тоже дали крестьянам денег. Ленту собрали, и мы поехали. Вернувшись к Татьяне Спиридоновне, мы увидели столы, обильно уставленные винами и едой. Поздравляли молодых, все целовались с ними. Кричали «Горько!».

ПЛЕМЯННИЦА Т. С. Люботович вспоминала о дне свадьбы так: «Вечером состоялся пир, все были веселы, пили по традиции шампанское и затеяли концерт. Сергей Васильевич (Рахманинов) играл танцы из балета Чайковского «Щелкунчик». Коровин пел арию Зибеля из «Фауста», карикатурно копируя исполнительниц этой партии. Ма-

монтов забавлял шуточными рассказами. Затем пели хором, ходили ночью по освещенным лунной аллеям нашего сада и разошлись почти на рассвете».

ЭТО ЛЕТО в Путятино памятно еще и тем, что Шаляпин разучивал с Рахманиновым партию Бориса Годунова в опере Мусоргского. В доме Люботович было два инструмента — рояль и пианино. В августе начались спевки. А понять Годунова, войти в его образ помог Шаляпину знаменитый историк, профессор В. О. Ключевский. Он проводил лето в деревне неподалеку от Путятино. К нему и отправился Шаляпин. Ключевский встретил певца радушно и предложил пройтись.

«Никогда не забуду я эту сказочную прогулку среди высоких сосен по песку, смешанному с хвоей, — вспоминал Шаляпин. — Идет рядом со мной старичок, подстриженный в кружало, в очках, за которыми блещат узенькие, мудрые глазки, с маленькой седой бородкой, идет и, останавливаясь каждые пять-десять шагов, вкрадчивым голосом, с тонкой усмешкой на лице, передает мне, точно очевидец событий, диалоги между Шуйским и Годуновым, рассказывает о приставах, как будто был лично знаком с ними, о Варлааме, Мисаиле и обаянии самозванца. Говорил он много и так удивительно ярко, что я видел людей, изображенных им. Особенное впечатление произвели на меня диалоги между Шуйским и Борисом в изображении Ключевского. Он так артистически передавал их, что, когда услышал из его уст слова Шуйского, мне думалось: «Как жаль, что Василий Осипович не поет и не может сыграть со мною князя Василия!».

В рассказе историка фигура царя Бориса рисовалась такой могучей, интересной. Слушал я и душевно жалел царя, который обладал огромной силою воли и умом, желал сделать Русской земле добро и создал крепостное право. Ключевский очень подчеркнул одиночество Годунова, его юркую мысль и стремление к просвещению страны. Иногда мне казалось, что воскрес Василий Шуйский и сам сознается в ошибке своей — зря погубил Годунова!».

В 60-х годах приезжала в Гагино дочь Шаляпина Ирина Федоровна. И расплакалась, увидев полуразрушенную церковь, где венчались ее родители.

Материал подготовила
Т. СМЕРНОВА.

Краеведческий календарь

1998 год. Февраль

4 февраля — 125 лет со дня рождения писателя Михаила Михайловича Пришвина (1873-1954). Жил в Сергиевом Посаде (Загорске) с 1926 по 1937 год.

5 февраля — День памяти писателя Василия Васильевича Розанова (1856 - 1919). Жил в Сергиевом Посаде с 1917 года. Похоронен на погосте Черниговского скита.

9 февраля — 175 лет со дня рождения Ивана Сергеевича Аксакова (1823 - 1886). Русский публицист и общественный деятель. Один из идеологов славянофильства. Сын писателя Сергея Тимофеевича Аксакова, жившего в Абрамцево.

13 февраля — 125 лет со дня рождения великого русского певца Федора Ивановича Шаляпина (1873 - 1938).

15 февраля — День памяти воинов-интернационалистов.

Вспомним и мы в этот день наших земляков — совсем молодых ребят, погибших в той страшной и непонятной войне, длившейся 10 лет с 1979 по 1989 год. Вспомним всех поименно.

Шахрай Роман Степанович (1959 - 1980)

Андрамонов Вадим Михайлович (1949 - 1981)

Жигарлович Юрий Геннадьевич (1962 - 1981)

Никитин Николай Валерьевич (1961 - 1982)

Скворцов Юрий Сергеевич (1964 - 1983)

Буланчиков Андрей Васильевич (1964 - 1984)

Гришин Владимир Алексеевич (1965 - 1984)

Кузнецов Анатолий Сергеевич (1963 - 1984)

Савельев Юрий Евгеньевич (1964 - 1984)

Корявин Александр Владимирович (1965 - 1985)

Филатов Константин Анатольевич (1965 - 1985)

Чечетова Вера Петровна (1959 - 1987).

Вечная им память...

ПОДВЕДЕНЫ ИТОГИ КОНКУРСА «МОЯ РОДОСЛОВНАЯ»

Этот конкурс был объявлен историко-художественным музеем и редакцией газеты «Вперед» в январе 1997 года. Отрадно, что в нем приняли участие как отдельные представители, так и целые семьи. Поэтому награждение победителей решено было провести по-семейному, за чашкой чая.

24 января все участники конкурса, чьи работы жюри признало лучшими, собрались в Красной гостиной библиотеки им. А. Горьковского. Познакомились, пообща-

лись, обменялись мнениями по поводу, стоит ли продолжить конкурс на 1998 год. Решили: конкурс не объявлять, а рубрику «Моя родословная» оставить.

После этого были названы победители.

Ими стали:

Альберт Голубев — материал «Пусть память о них живет долго. О крестьянах деревни Козлово по фамилии Куликовы».

(«Краеведческий вестник», 11 октября 1997 г.);

Мария, Павел, Михаил Беловы (Беловы младшие) — материал «Так будь Иваном Беловым...» («Краеведческий вестник», 7 июня 1997 г.).

Победители получили в подарок недавно вышедшую книгу К. Филимонова и Н. Соловьева «Сергиев Посад. Страницы истории».

Памятные сувениры за лучшие материалы получили также:

Галина Максимова — материал «Мой дед Иван Николаевич Башлакин» («Краеведческий вестник», 5 апреля, 1997 г.);

Борис, Ольга, Павел и Наталья Бочковы — материал «За трудолюбие и искусство» («Краеведческий вестник», 1 ноября 1997 г.);

Владимир и Тамара Сысоевы — материал «Семья Сысоевых» («Краеведческий вестник», 6 сентября 1997 г.);

Евгений Болотов — материал «Мои дедушки» («Краеведческий вестник», 2 августа 1997 г.).

Поздравляем с победой. Ждем новых материалов.

Продолжаем писать родословную.
Л. ГИРЛИНА, член жюри.

Андрей Никитин

ВЕЧНЫЙ СПУТНИК

СТРАННЫЕ, порой, выстраиваются отношения между людьми, никогда не встречавшимися друг с другом. Так произошло у меня с М. М. Пришвиным, которого я видел только один раз в жизни, да и то издали. Вот как это произошло.

Морозным солнечным январем 1941 года наша семья переехала в Загорск, поселившись на втором этаже дома № 17 по Карбушинской улице. Город лежал в пушистых, сверкающих под солнцем сугробах, в заиндевевших березах и липах старых садов. Он был окутан тишиной и морозным паром, в котором слышался только редкий скрип полозьев, а над базарной площадью, куда с горы сбегало полукружие каменных лавок, возвышался царственный венец Лавры. Это была ожившая сказка, сказка, вдруг ставшая реальностью.

Сказочной была и предвоенная весна — дружная, бурная, как-то разом обнажившая перед нашими окнами огороды на задах Комсомольской улицы.

В один из таких теплых весенних дней апреля мой отец, подойдя к окну и посмотрев на ожившую землю, воскликнул, обращаясь к матери:

— Смотри-ка, и Пришвины принялись за огород! Сам Михаил Михайлович выбрался, молодых учит, да так энергично! Видно, что-то не так они делают...

Я тоже подбежал к окну.

На бугре, напротив нашего дома через улицу, стояло пять-шесть человек с лопатами, граблями и носилками. В центре этой группы находился невысокий и коренастый, как мне показалось, старик с бородкой, что было тогда в редкость. Из дальнейшего разговора моих родителей следовало, что это Пришвин и его сыновья, приехавшие со своими женами к матери копать огород. О чем шел разговор у Пришвиных, разобрать было нельзя, но по жестам, по тому, как они расходились, а потом собирались снова, можно было понять, что «старик» что-то объяснял и на чем-то настаивал. Похожие сценки повторялись время от времени и на протяжении двух-трех следующих дней: молодые прибирали в огороде, копали, чинили сарай, но время от времени появлялся глава семьи, останавливал их, что-то объяснял и заставлял переделывать.

Наверно, мне сказали, что Пришвин — писатель, но вряд ли я это осознал, хотя сама сценка осталась в памяти среди других впечатлений детства.

Были ли родители мои лично знакомы с Пришвиным? В Загорске тогда селились люди, возвращавшиеся из лагерей и ссылки, находившие здесь жилье и работу через своих родственников или знакомых и, в свою очередь, помогавшие другим. Так это произошло и с нами, так что Пришвин вполне мог быть одним из тех старожилов, кто помог отцу устроиться в артель «Художественная игрушка» и найти эту квартиру. Это кажется мне тем более вероятным, что в последующие военные годы моя мать несколько раз заходила к Е. П. Пришвиной с какими-то делами, но зачем и почему — не знаю или не помню.

Мимо пришвинского дома на Комсомольской улице — деревянного «в полтора этажа» на высоком кирпичном подклете, с глухими воротами и такой же калиткой, с маленьким палисадником и деревьями перед окнами, — в годы своего отрочества я проходил и пробежал несчетное число раз, с любопытством на него взглядывая. Пришвин не был моим «любимым» писателем, но по мере того, как я сам превращался сначала в рыболова, а потом в охотника, как росла страсть к путешествиям, его книги будили воображение, заставляли мечтать о далеких краях и встречах с новыми людьми. И все же прошло достаточно много времени, прежде чем М. М. Пришвин вдруг как бы «придвинулся» ко мне и повел за собой.

Произошло это весной 1957 года, когда в одном из московских букинистических магазинов я наткнулся на тоненькую книжку «Родники Берендея», изданную тридцать с лишним лет назад. В ней Пришвин рассказал о своей жизни на берегу Плещеева озера, которое к тому времени я уже успел узнать и полюбить. Начав ее читать, я почувствовал, как знакомое пространство этого уголка земли вдруг наполняется для меня новым содержанием, словно навстречу выступил добрый дух-хранитель и повел за собой, показывая лежащие повсюду тайны и клады.

Что за этим последовало, как я на-

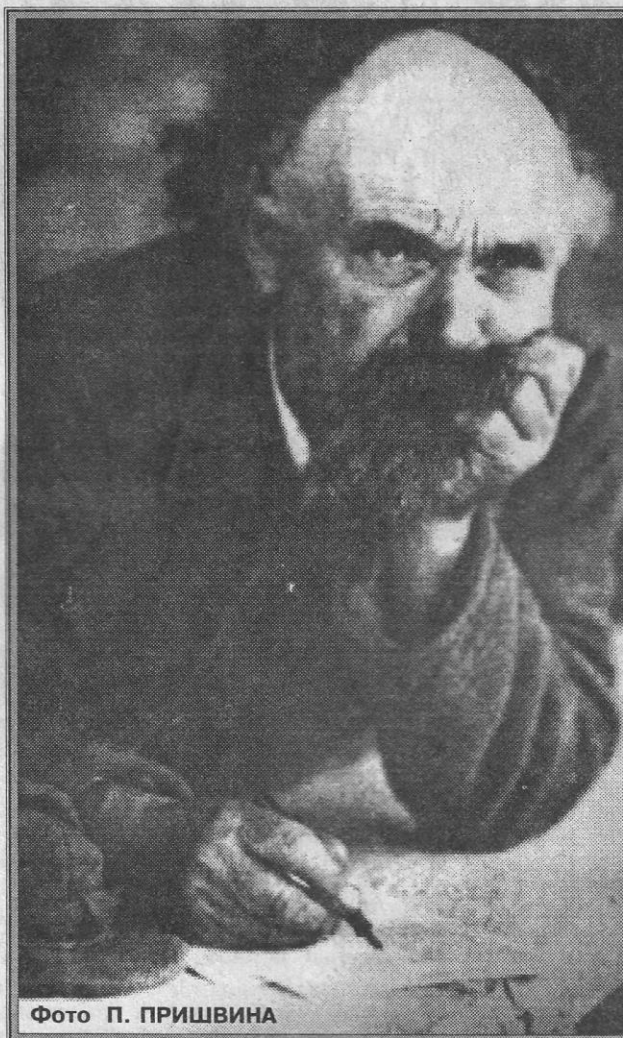

Фото П. ПРИШВИНА

шел свою дорогу на много лет вперед, став исследователем первобытности, мною рассказано в книге «Дороги веков». Пережив на берегах Плещеева озера самые яркие годы своей юности, я думаю теперь, что нечто подобное (правда, в ином возрасте) испытал там и М. М. Пришвин. Вот почему, передав мне как бы «по наследству» Переславль с его неповторимым озером, лесами, болотами, речками, стоянками древних рыбаков и охотников, курганами и ныне живущими людьми, он передал мне свое неудовлетворенное желание заглянуть в далекое прошлое этих мест. Собственно, книжка Пришвина и привела меня тем летом на огород Василия Борина на Вексе, а с него — на одно из самых интересных древних поселений, стоянку «Польцо», которую я раскапывал в последующие годы.

И здесь я сразу обнаружил, что иду по тропинкам и адресам, оставленным для меня все тем же М. М. Пришвиным.

Дом в Усолье, где я в первый же день остановился на ночлег, принад-

лежал П. М. Назарову, в прошлом — краеведу и многолетнему фотографу Переславль-Залесского краеведческого музея. Он был хорошо знаком Пришвину и вместе с другими героями попал на страницы «Родников Берендея». Больше того, выяснилось, что сюда же в Усолье, в ту самую комнату, которая теперь была отдана мне, М. М. Пришвин приехал из Москвы осенью тревожного 1941 года со своей новой женой В. Д. Лебедевой-Лиорко и прожил здесь до осени 1943 г., когда они вернулись в Москву.

В последующие два летних сезона эта комната служила верной базой моей археологической экспедиции. Сюда я приезжал из Москвы, сюда возвращался из своих маршрутов, принося находки, здесь мыл, описывал и фотографировал собранный археологический материал, расспрашивая хозяйку об окрестностях, о людях, с которыми стоило свести знакомство, отсюда отправлялся на хозяйской лодке или вверх по Вексе, на Плещеево озеро, или вниз, на озеро Сомино и дальше, по Нерли Волжской...

4 февраля —
125 лет
со дня
рождения
Михаила
Михайловича
Пришвина

*«Своего пустые будни
революции я увидел
свещенные будни мира
и с этими «мелкими
листочками» соединю
свою поэзию».*

М. М. Пришвин

23 августа 1937 года.

Леса, болота, реки, озера — везде на этой земле я ощущал присутствие Пришвина, который прошел до меня этими тропами, а теперь учил меня вглядываться и постигать окружающий мир. Когда же главная моя задача на берегах Плещеева озера была выполнена, все тот же Пришвин повел меня дальше, в «край непуганых птиц» Беломорья, оставшись и там моим добрым наставником и спутником в странствиях по местам, которые сам он так любил на протяжении своей долгой творческой жизни.

А начало всему этому, как я считаю, было положено теплым весенним днем на втором этаже деревянного дома № 17 по Карбушинской улице в Загорске...

ОБ АВТОРЕ.

Никитин Андрей Леонидович — историк и писатель, автор многочисленных книг и публикаций, издатель известной серии книг «Семейный архив. XX век». Детские и отроческие годы провел в Сергиевом Посаде (тогдашнем Загорске). Живет и работает в Москве.

Выставка авторских работ М. М. Пришвина «КОГДА БИЛИ КОЛОКОЛА» открыта в Москве с 26 января по 10 марта

Адрес выставочного зала: Трубниковский пер., 17 (за кинотеатром «Октябрь» на Калининском проспекте). Про-

езд: метро Баррикадная, Смоленская; трол. № 6, 10, ост. «Дом Шалыпина». Тел. 202-46-18.

Выставка организована: Государственным литературным музеем, Российским государственным архивом литературы и искусства, Сергиево-Посадским государственным историко-художественным музеем-заповедником.

На ней представлены уникальные фотографии, сделан-

«...Месяц тому назад я был свидетелем гибели редчайшего, даже единственного в мире музыкального инструмента — расстреловской колокольни: сбрасывались величайшие в мире колокола Годуновской эпохи. Целесообразности не было никакой в смысле материального: 8 тыс. пудов можно было набрать из обыкновенных колоколов. С точки зрения антирелигиозности поступок не может быть оправдан, потому что колокола на заре человеческой культуры служили не церкви, а общественности (...). Я являюсь смертельным врагом того мрачного фанатизма, который несомненно живет в сердцах некоторых влиятельных членов партии и порождает те преступления относительно живой жизни, которые post factum называются искривлением партлинии».

М. Пришвин.
Журнал «Октябрь»,
март 1930 г.

ные М. М. Пришвиным зимой 1930 года.

Увеличенные варианты снимков по негативам М. М. Пришвина выполнены Николаем Соловьевым.

После закрытия выставки в Москве фотографии М. М. Пришвина сергиево-посадского периода его жизни (с 1926 по 1937 гг.) будут показаны жителям нашего района.

НАШЕМУ Сергееву Посаду не стоит слишком хвалиться тем, что Пришвин Михаил Михайлович, известный на весь мир писатель и заядлый охотник, выбрал в 1926 году из всех городов России для оседлой жизни именно этот город, хотя бы потому, что вовсе не город и не Лавра прельстили его, а близость г. Сергиева к писательской Москве и константиновские непроходимые болота — «московские джунгли» — в пойме реки Дубны. И не в центре Посада пришлось ему обособиваться с пятью собаками на десять с лишком лет, а на отшибе, на излете Комсомольской, или Вифанской (и то и другое название стало бессмысленным: никуда теперь эта улица не ведет, ни в Вифанию, ни на комсомольский фестиваль, — Никудышная улица). Тогда на окраине продавался дом с пустырем. Пришвин его купил и зажил со своим семейством (и собаками). При случае прямо возле дома, за «Сосновой улицей», можно было выследить лисицу, а на реке Торгоше подстрелить жирного бекаса.

ИВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ Розанов, безмерно талантливый человек, писатель и философ, не из пылкой любви к нашим святым местам перебрался в 1917 году из бушующего революционного Петрограда в Сергиев: просто когда-то, летом 1913 года, семья Розанова, по совету П. А. Флоренского, отдыхала на даче вблизи Вифанского монастыря, а в 1915 - 1916 годах здесь жила (врачи настаивали на перемене климата) его дочь Татьяна.

Михаил Михайлович и знать не знал, что судьба снова, в который раз, сведет его со своим учителем, гонителем, наставником В. В. Розановым в Сергеевом Посаде, что дом его окажется недалеко от дома Розанова, что именно здесь им написан знаменитый «Апокалипсис нашего времени» и что прах его Учителя покойся в Черниговском скиту — в двух шагах от дома. Горько было Пришвину сознавать в 1937 году, что вот Гете возвеличен, стоит на пьедестале, а Розанов «без памятника, и место, где зарыт, забывается: нет никакой отметины на месте могилы, и ежедневно там по этому месту люди ходят».

В эти же августовские дни 1937 года Пришвин пишет в дневнике об «удивительном единстве» своем с Розановым: «Он своей личностью объединяет всю мою жизнь, начиная со школьной скамьи: тогда, в гимназии, был он мне козел, теперь в старости герой, излюбленнейший, самый близкий человек «из рода людей, которые «пред-мыслят и предсказывают», постичь которых он, к сожалению, по молодости не мог».

Тогда, в детстве, маленький Пришвин с домашним прозвищем Курьмушка, учась в первом классе Елецкой гимназии и с грехом пополам одолевая азы школьных наук, впервые был польщен словами учителя географии В. В. Розанова (которого, кстати, гимназисты недолюбливали и называли «козлом»), сказавшего Курьмушке после его блестящего ответа про Америку, что он молодец, что из него что-то выйдет: «Вот, вот выйдет из тебя, и будешь знаменитым путешественником. Садись. Очень хорошо». И поставил пять. Так произвел этот счастливый урок Пришвин в романе «Кашеева цепь».

И еще раз похвалил его Розанов, когда Курьмушка в озарении неожиданного открытия с восторгом рассказал о чрезвычайно легком пути проникновения в Малую Азию. «Вот вам пример, — сказал Розанов ученикам, против Пришвину отход от темы «Америка», — как нужно учить географию. Вы занимаетесь, как он, вообразите себе, будто путешествуете, вам все ново в неизвестной стране, вы открываете, и будет всегда интересно... Садись, — сказал Козел, — я тебе еще пятерку поставлю, очень уж ты хорошо занимаешься».

Такие озарения бывали крайне редко: Миша не в состоянии был понять, что от него требовали учителя, мучился от сознания, что огорчает мать «единицами и за успехи, и за поведение». Его оставляют на второй год.

А он, увлеченный открытым им легким путем в Азию, с товарищами убегают в эту страну, но (гимназисты шутили: «Поехал в Азию, приехал в гимназию») был пойман и чуть не исключен.

Спас Розанов. «Розанов... против всех в округе высказал запавшее крепко в душу: «Это хорошо, это необыкновенно». «Этих балбесов, — вспомнит Пришвин в дневнике, — издавающихся над моей мечтой, помню, сразу унял Розанов, он заявил и учителям, и ученикам, что побег этот не про-

ладной записке Розанов, «что если из-за географии он не перейдет в следующий класс, то продолжать учиться не станет, а выйдя из гимназии, расквитается со мною. «Меня не будет, и вас не будет», — говорил он, между прочим... Через небольшой промежуток времени он встал и попросил извинения, ссылаясь на то, что вышеупомянутые слова сказаны были им в раздражении, при котором он вообще не может себя удерживать».

Вроде бы все улеглось. Извинение принято, вина бестактности, как думалось Пришвину, была заглажена... Но на беду Пришвина, 19 марта классный наставник оставляет его после уроков за эту самую злополучную двойку, а дежурным учителем с «арестован-

своего товарища в его праве на бунт.

«Не вини Розанова — я сам во всем виноват», — ответил ему Михаил в пространном исповедальном письме. «А умный Алеша, — вспоминал впоследствии Пришвин, — письмо отнес в гимназию, а из гимназии оно попало к матери... и все стали ухаживать за мной, как за больным и хорошим мальчиком». Дружеское участие смягчило падение, а приехавший из Сибири родной дядя Пришвина Иван Иванович Игнатов, богатейший человек, крепкош, парходный делец, друг сибирской гольфтыбы, вообще заявил, что никакой трагедии тут нет, забрал Михаила с собой в Тюмень, определил в реальное училище, отправил потом окрепшего племянника в Рижский политехникум, и Пришвин расправил крылья. Не раз приходили ему на ум наставления дяди: никогда не становись на второе место, а если не сможешь занять первое, тогда живи дураком и подчиняйся умному.

ПРОШЛО десять лет. Настала пора «расквитаться» с Розановым. В дневнике 28 ноября 1909 года Пришвин, уже автор книги «За волшебным колбком», записал: «И разве это не победа? Мальчик, выгнанный из гимназии, носивший всю жизнь по этому случаю уязвленное самолюбие, находит своего врага в религиозно-философском собрании, вручает ему свою книгу с ядовитой надписью: «Незабываемому учителю и почитаемому писателю», — и выслушивает от него комплимент. Вот победа! А он-то и не подозревал, с кем имеет дело».

И тут же на следующей строчке признался в том, что его, пришедшая, «страна обетованная... живет целиком в Розанове... и другого более близкого мне человека в этом чувстве я не знал».

Имя Розанова не сходит со страниц его дневников и статей, в нем он находит опору в трудную минуту и твердит как клятву его завет: «Подайтесь от редакций, ближе к лесам».

Остался верным себе и В. В. Розанов. Однажды, проводив Пришвина, пришедшего к нему с рюкзаком за плечами с просьбой написать рецензию на книгу «За волшебным колбком», он, посмеиваясь, сказал дочери Тане: «Вот, Таня, как хорошо, что я его выгнал, по крайней мере узнал жизнь, путешествовал и написал хорошую книгу, а то бы был каким-нибудь мелким чиновником в провинции». Рецензия была написана, книгу похвалил и Горький. Пришвин стал писателем.

Через десять лет жизнь встала на дыбы. Пришвина назначают учителем географии в ту самую гимназию, где преподавал Розанов и учился Михаил и откуда его с треском выгнали. И снова, как и тогда, нашелся некий гимназист Ростовцев, который обозвал теперь уже Пришвина-учителя дураком...

Навсегда искренним и всегда разным остался в веках гениальный Василий Розанов, и навечно занял в литературе свое место «оригинальнейший национальный литератор (по отзыву Горького), большого таланта и великого упорства человек» Михаил Пришвин. Два славных имени, украсивших историческое лицо нашего города!

Ю. ПАЛАГИН.

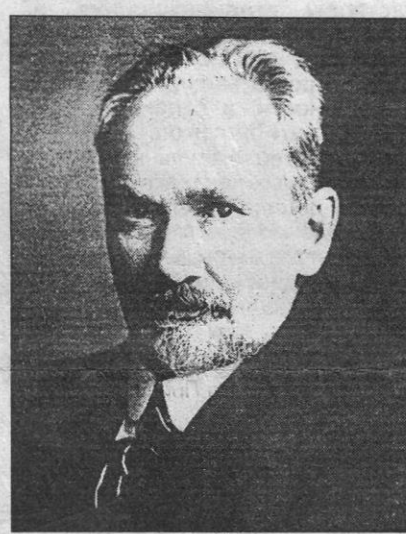
К 125-летию со дня рождения М. М. Пришвина

БИТВА ГИГАНТОВ

Пришвин и Розанов

М. М. ПРИШВИН

В. В. РОЗАНОВ

стоя глупость, напротив, показывает признак особой высшей жизни в душе мальчика».

Я сохранил навсегда благодарность Розанову за его смелую, по тому времени, необыкновенную защиту. «Как я завидую вам», — сказал ученику учитель.

Казалось бы, теперь-то ободренный и спасенный Учителем Пришвин возьмется за ум и выберется из неуспевающих. Но не тут-то было: в третьем классе его снова оставляют на второй год, а в четвертом (в 1889 г.) исключают... за дерзость В. В. Розанову. Дерзость... Всепоглощающая, обжигающая своей смелостью дерзость, утверждающая свою личность. Первый бой юноши со взрослыми. Первая схватка с устойчивым миром порядка и неизблемых правил. Первая заявка на свое особое место в этой жизни. Первый срывающийся на фальцет голос Мужчины... «как продолжение неудачи побега в небывалое» (Пришвин).

Как это часто бывает, подросток интуитивно ищет достойного, сильного противника, уважаемого, любимого. Пришвин выбрал Розанова.

«Почему это случилось? — спрашивал себя Пришвин в 1952 году. — Я должен был по натуре своей бороться, они должны были меня выгонять. Им хотелось сделать из меня хорошего мальчика, я хотел найти свой путь к хорошему». «Нужно было пройти 60-ти годам, чтобы учителя были поняты мною как хорошие учителя, чтобы осознать «необходимость дисциплины».

КОНФЛИКТ с Розановым возник невзначай на пятом уроке 18 марта (весна!). Василий Васильевич вызвал Михаила Пришвина к доске, выслушал ответ и поставил неудовлетворительный балл. Пришвин сел и с места заявил, как пишет в док-

ными» учениками назначают Розанова. Первым делом дежурный учитель, как это было заведено в гимназии, передал Пришвину извещение, в котором сообщалось родителям о причинах ареста сына. Пришвин набылся. Розанов же ненароком спросил его, почему он так себя вызывающе вел вчера на уроке и как вообще он контактирует с людьми. Михаил взорвался: оскорбленное самолюбие юноши, подпитанное унижением ареста, запиской к родителям, этим участливым и сухим приглашением к откровенности от своего врага, вырвалось наружу, и Пришвин в запальчивости высказал как на духу своему любимому в недавнем учителю и свое неприятие гимназии, и учителей, и лично его, Розанова, и что вообще он «не считает кого бы то ни было выше себя» (из докладной записки Розанова).

14 апреля 1889 года постановлением педагогического совета Елецкой гимназии, на основании докладной записки В. В., гимназист Пришвин Михаил был исключен с «волчьим билетом», то есть без права поступления в другое учебное заведение. Учителя противились столь резкому наказанию, но В. В. Розанов настоял на своем, заявив: «Или он, или я», — посчитав поступок Пришвина «выходящим из ряда обычных явлений гимназической жизни», а исключение «в высшей степени значительным с нравственно-воспитательной точки зрения».

Нетрудно представить, что пережил юный, гордый Пришвин! Это было равносильно смертной казни. Сраженный безжалостным, несправедливым решением, он решил застрелиться, но, подумав, отложил... Вечером он получил сочувственное письмо от друга Алеши Смирнова, который так же по-юношески обвинял во всем Розанова и поддерживал

ОНИ БЫЛИ РОВЕСНИКАМИ

Пришвин и Шалапин

Оба родились в феврале 1873 года. Певец, названный великим при жизни, и писатель, понять и по-настоящему оценить которого нам еще предстоит.

Дружны не были. Однако встречались. Впечатления об одной из таких встреч в дневнике Пришвина.

Раз я провел вечер в ресторане в обществе Горького и Шалапина. Я первый раз тогда видел Шалапина не в театре. Он был в этот раз нравственно подавлен одной неприятной историей и сидел без всяких украшений, даже без воротничка, белой глыбой над стаканом вина. Кроме Горького и Шалапина, тут, в кабинете, было человек десять каких-то мне неизвестных и дамы. Разговор был ничтожный. Вдруг Шалапин словно во сне сказал:

— Не будь этого актерства, жил бы я в Казани, гонял бы голубей.

И пошел, и пошел о голубях, а Горький ему подсказывает, напоминает. И так часа два о голубях в ресторане, потом у Шалапина в доме чуть не до рассвета все о Казани, о запахах, о купцах, о Боге, без всяких общих выводов, зато с такой любовью, веселостью.

Горький спросил меня после, какое мое впечатление от Шалапина. Я ответил, что бога видел нашего какого-то, может быть, (нрзб.) или лесного, но подлинного русского бога. А Горький от моих слов даже прослезился и сказал:

— Подождите, он был еще не в ударе, мы еще вам покажем!

Так у меня сложилось в этот вечер, что Шалапин для Горького не то что великий народный артист, надежда и утешение, а сама родина, тело ее, бог телесный, видимый. Народник какой-нибудь принимает родину от мужика, славянофил от церкви, Мережковский от Пушкина, а Горький от Шалапина, не того знаменитого певца, а от человека-бога Шалапина, этой белой глыбы без всяких выводов, бездумной огромной глыбы, бесконечного подземного пласта драгоценной залежи в степях Скифии.

Вот бы спросить в то время, имеет ли Горький отечество, любит ли родину. Я бы ответил, что чересчур сильно, болезненно, пожалуй, садически.

Из дневников М. М. Пришвина. 1917 г.

Редкий снимок

Пришвин жил с семьей — женой и двумя сыновьями — на ул. Комсомольской. Он ходил по городу, встречался с друзьями и знакомыми, выступал в различных организациях. Допускаем, что его фотографировали. Допускаем также, что кто-то сохранил его снимки.

Сообщите, пожалуйста, о них в краеведческий отдел музея (т. 4-92-07).

Один из таких снимков мы уже получили. На нем М. Пришвин в сберкассе. Благодарим Л. А. Кузовкину за этот дар музею.

Л. ГИРЛИНА.

В октябре 1912 года из Солнечногорской лечебницы в Сергиевскую земскую больницу приехала с 9-летней дочерью Екатерина Семеновна Пришвина — вдова Сергея Михайловича — брата писателя Михаила Пришвина.

Урожденная москвичка, дочь чиновника и крестьянки, она окончила в родном городе фельдшерско-акушерские курсы при Старокаширинской больнице и с той поры 20 лет была аптечной фельдшерницей. Семейство приняло под свой кров главный врач земской больницы Николай Александрович Королев, выделив им небольшую комнатку в своем доме. Окно жилища Пришвиных выходило в парк с молодыми липами, цветочными клумбами и насыпной горкой, увенчанной деревянной беседкой.

У Николая Александровича было семеро детей. С младшими Любочка Пришвина ходила в гимназию, и дружба с ними не прерывалась до старости.

Жалование Екатерины Семеновны было небольшим, а трудное материальное положение усугублялось государственным неустойчивым, войнами и революцией. Когда Любушка, как звали ее за кроткий нрав, закончила учебу, Николай Александрович устроил ее регистратором зубной амбулатории в своей больнице, где в то время еще работала Софья Эдуардовна Доман. Однако вскоре было получено предписание о сокращении штатов и пришлось ей оставить работу.

Любовь Сергеевна решила учиться аптечному делу. С 1925 года в стране начала развиваться новая система подготовки кадров для аптек. Возникли химико-фармацевтические факультеты университетов и фармацевтические техникумы. Получив среднее образование, Любовь Сергеевна с 1928 года стала работать фармацевтом в Сергиевской аптеке на Красногорской площади. Аптекой с января 1922 года управлял провизор Вячеслав Семенович Федосеев. Ему было дано право заполнять штаты «под свою ответственность».

Сотрудники вспоминали, что он строго контролировал их работу, готовил высококвалифицированные аптеч-

ные кадры. Особенно ценил он служащих старой аптеки. При вступлении в должность из шести ассистентов оставил троих, нанятых еще хозяином аптеки Вильгельмом Гвидовичем Гильбертом.

Среди оставленных был Серафим Александрович Чернохвостов, поступивший в аптеку перед ее национализацией в 1919 году. Гильберт же в 1920 году умер от инфаркта.

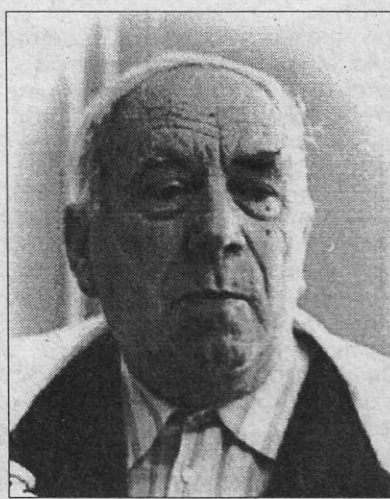
Род мецан-братьев Сергея и Александра Матвеевичей Чернохвостовых, дома которых стояли почти рядом по ул. Репина (ныне Кооперативная), дал много известных людей нашему городу. Может быть, потому и были недовольны родственники, когда Серафим Александрович женился на скромной фасовщице аптеки из хотьковских крестьян Александре Матвеевне Бабкиной. Ему пришлось перебраться из родного дома, расположенного на склоне Келарского пруда, на Штатно-Набережную улицу, где и началась их семейная жизнь. Александра Матвеевна успешно осваивала аптечное дело и повышалась в должности. Население города и округа росло. Аптека Вячеслава Семеновича все больше и больше чувствовала перегрузку. Необходимо было расширить аптечную сеть.

В 1932 году он добился открытия аптечного здания в Краснозаводске и, выбрав из своего штата трех сотрудников, в знаниях и способностях которых был уверен, выпустил их из-под своего крыла на самостоятельную работу.

Так оказались в Краснозаводске управляющий Серафим Александрович Чернохвостов со своей женой-фармацевтом Александрой Матвеевной, а также Любовь Сергеевна Пришвина. Одноэтажное кирпичное здание аптеки (теперь в нем милиция) по тем временам не имело водопровода и отапливалось печами. Постепенно трудами Серафима Александровича оно оборудовалось и благоустроилось. При аптеке было жилье для сотрудников. В 32-метровой квартире поселились Чернохвостовы с двумя сыновьями, а в десятиметровой комнате Любовь Сергеевна Пришвина. Кухня была

Л. С. ПРИШВИНА

С. А. ЧЕРНОХВОСТОВ

А. М. ЧЕРНОХВОСТОВА

ФАРМАЦЕВТЫ

(Страницы истории)

общей. За 38 лет такой совместной жизни Любовь Сергеевна стала другом дома Чернохвостовых: жила их радостями и горестями, чем и наполнила отчасти свою одинокую жизнь. Светлые и дружеские отношения у них сохранились до кончины и, умирая первой, Александра Матвеевна завещала своим невесткам не бросать Любовь Сергеевну.

В те времена все лекарства в аптеках готовились вручную. Порошки отвешивались на весах, растворы стерилизовались на дровяных печах. Только после 1946 года, когда с организацией Министерства медицинской промышленности в стране начался выпуск антибиотиков, возросло производство ампульных и таблетированных лекарств. Работа в аптеках до середины пятидесятых годов была очень тяжелой и более ответственной. Ошибка в дозе фармацевта, работающего с ядами, непоправима: в каждом дециграмме лекарственного вещества заложена жизнь или смерть. Недаром в аптеках установлен двойной контроль: ассистент готовит лекарство, а рецептор-контролер проверяет пра-

вильность доз и совместимость ингредиентов. Краснозаводская аптека за 40 лет не запятнала чести фармацевта — работала ответственно и профессионально, помогая больным днем и не отказывая ночью. Каждому приходящему надо было не только приготовить лекарство, но и оказать сочувствие, дать совет, сказать теплое слово. И в этом отношении коллектив аптеки был на высоте. Не обходилось и без анекдотов. Однажды к Серафиму Александровичу пришел старичок с очками и попросил «выписать новые». С оптикой было сложно: очки в то время заказывали в Москве. Чернохвостов внимательно осмотрел стекла и вышел. Очистив очки от грязи и солевых пятен, подал их старичку. Тот благодарил своего благодетеля несколько лет.

В 1969 году Серафим Александрович оставил работу. Последние четыре года он был уже рецептором. Аптека расширялась, и ветеранам предоставили новое жилье. Любовь Сергеевна начала слепнуть и ушла с работы двумя годами раньше. Ее поселили в коммунальной квартире старого

дома. В аптеку пришло новое поколение.

В 1980 году в центре Краснозаводска в новом двухэтажном здании торжественно открылась современная аптека. Ее оборудовала управляющая Галина Аркадьевна Родионова. Аптека построена на средства завода (директор Урманов) по типовому проекту. В ней сейчас работает 25 человек. На открытии присутствовал Серафим Александрович Чернохвостов. Его жены Александры Матвеевны уже шесть лет не было в живых, а ослепшая Любовь Сергеевна Пришвина с 1979 года пребывала в доме инвалидов сначала в Песках, а затем в Климовске, где и умерла на 82-м году жизни вьюжным февральским днем 1985 года. Она пережила не только обоих супругов Чернохвостовых, но и их сыновей.

Т. БУДНИКОВА.

Материал подготовлен по архивным документам ГЦАМО, по архивным личным бухгалтерским счетам (аптека №420) и воспоминаниям современников.

ЭТО УЖЕ ИСТОРИЯ

Какая это была радость для детворы, когда приезжал старьевщик!

Из всех закоулков выгребались старые изношенные вещи и обменивались на замечательные игрушки: пистолетики, шарики на резинке, пищалки «уди-уди».

Ребятишки, которых вы видите на этом снимке, сейчас уже под сок и вряд ли их дети знают о таких игрушках и о способе их приобретения.

Фото и текст И. МАРОНА.

В газетных строках — ВРЕМЯ. К 80-летию газеты «ВПЕРЕД»

ИНОСТРАНЕЦ — ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН НАШЕГО ГОРОДА

14 апреля 1966 года было создано Общество советско-чехословацкой дружбы. У Загорска появился город-побратим Бороун. Промышленные и сельскохозяйственные предприятия стали обмениваться туристическими группами, делегациями с целью изучения истории городов, их экономической и культурной жизни.

Трикопная фабрика дружила с фабрикой «Тибя», комбинат железобетонных изделий — с заводом «Префа-Гысков», а город Хотьково соревновался с городом Горжовице Бороунского района. Наши школьники и чешские гимназисты проводили летние дни у нас в лагере труда и отдыха «Дружба», а потом переписывались со своими знакомцами. Во Дворце культуры им. Ю. Гагарина открылась комната советско-

ко-чехословацкой дружбы, а на промышленных предприятиях — советско-чешские уголки. Устраивались фотовыставки. Газеты «Вперед» и «Будовател» знакомили читателей с историей городов и развитием дружеских отношений.

Приближалось 50-летие Октября (1967 г.). Открылась сессия городского Совета депутатов трудящихся, посвященная этому событию, на которой в торжественной обстановке секретарь ГК КПСС Иван Иванович Холод объявил решение о присвоении бывшему секретарю Бороунского райкома партии Карелу Якоубцу, много сделавшему для укрепления дружбы между нашими городами, звания «Почетный гражданин Загорска».

А через 8 лет, 24 июня 1975 года, Зеленый переулок был пере-

именован в улицу Бороунскую. По этому поводу собрался многочисленный митинг. Горожан и чехословацких гостей приветствовали секретарь ГК КПСС Виктор Федорович Новиков и председатель горисполкома Г. Н. Макашов. Герой Советского Союза, участник Великой Отечественной войны и освобождения Чехословакии Михаил Константинович Нехаев открыл на доме № 1 мемориальную доску. На мраморе зазолотились слова: «В честь города Бороуна Чехословацкой республики - побратима Загорска улица названа Бороунской». Прозвучали гимны Советского Союза и Чехословацкой Социалистической республики.

По материалам газеты «Вперед» 60-70-х годов подготовила Т. БУДНИКОВА.

ПОИСК

РАССКАЗ О СТАРЫХ ВЕЩАХ

Сегодня мы вновь обращаемся к вам, уважаемые земляки, с просьбой помочь в формировании музейной коллекции.

Мы предостерегаем от поспешного решения тех, кто за ненужностью решил выбросить надоевшую ему старую вещь, не задумываясь о том, что она может стать музейным экспонатом и со временем вызвать восторг или удивление, тихую грусть или воспоминание.

Старые вещи расскажут нашим детям и внукам о том, как жили наши дедушки и бабушки, как жили мы, как работали, как отдыхали. Они — наша память. А с памятью надо обращаться бережно. Итак...

Итак, нам нужны старые детские игрушки (в хорошем или удовлетворительном состоянии). Желательно, чтобы местного производства, ведь город наш был центром игрушечного промысла, самого доброго и радостного промысла на свете. Почти в каждом доме что-то мастерили, лепили, строгали, шили. У нас мало надежды на то, что в каком-то доме сохранились игрушки из папье-маше и мастики, потому что в качестве исходного материала при их изготовлении применялись мука и сахар, а эти продукты, как известно, обожают мыши и жучки. Однако мы вправе надеяться на чудо. А вдруг у кого-то на чердаке или

в подвале стоят или лежат в уголке лошадка на колесиках, кукла-пеленашка, бирюльки, старые металлические игрушки (их-то мыши не грызут)... Дайте нам знать об этом. Даже если они вам не приглянутся: краска поблекла, какая-то деталь не сохранилась. Любая игрушка из папье-маше, мастики или дерева может быть уникальной и после реставрации приобретет новую жизнь.

В 40—50-е годы детские зимние забавы сильно отличались от нынешних. Те, кому сейчас за 50, помнят, что самой большой радостью были коньки. Их привязывали к валенкам. Назывались они «снегурочки» или «спотыкач».

А с горки любили кататься на рулетке. Это такой широкий щит, сбитый из досок, к которому прикреплялись коньки — один впереди и два сзади. Управлялась рулетка по принципу самодката, только руль у нее был невысокий, потому что катались на рулетке лежа, вернее, лежал рулевой, а остальные садились на него верхом, и с криком «расступись» веселая компания неслась вниз.

Все, что связано с детством, интересно. Поэтому нам и хочется иметь в музейной коллекции такие, казалось бы, «немузейные» вещи.

Ждем ваших звонков.

Наш телефон прежний — 4-92-07, адрес — Аптекарский, 2.

Л. ГИРЛИНА.

